

Допрос священнослужителя в доказательственном судебном процессе

Священник Виталий Коллантай^{1,2}, священник Петр Копыстко³

¹ Томская духовная семинария,

Российская Федерация, 634009, Томск, пр. Ленина, 82

² Томский государственный педагогический университет

Российская Федерация, 634061, Томск, ул. Киевская, 60

³ Санкт-Петербургская митрополия, храм чудотворной иконы Божией Матери «Всех скорбящих радость (с грошиками),

Российская Федерация, 192019, Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны, 24

Для цитирования: Коллантай В. А., Копыстко П. П. Допрос священнослужителя в доказательственном судебном процессе // Вопросы теологии. 2022. Т. 4, № 2. С. 275–283. <https://doi.org/10.21638/spbu28.2022.207>

В статье представлены результаты анализа действующего законодательства Российской Федерации и церковного права Русской православной церкви о правовом положении священнослужителя и его возможности давать свидетельские показания в уголовном процессе. С учетом различных точек зрения по этому вопросу обосновывается, что священнослужитель Русской православной церкви не может быть допрошен в качестве свидетеля по уголовному делу о тех обстоятельствах, которые стали ему известны в ходе таинства покаяния. Рассмотрен вопрос о соотношении понятий «священнослужитель» и «священник», закрепленных на нормативном уровне, но не равных по своей сути, а *pedibus usque ad caput* (лат. с ног до головы). Указано, что, согласно каноническому праву Православной церкви, понятие «священнослужитель» является более широким и имеет свои особенности, которые продиктованы предназначением той или иной степени священства. В статье свидетельский иммунитет рассматривается с позиции его функциональной направленности. Предпринята попытка обоснования юридических и моральных аспектов права священнослужителя на юридический иммунитет через понимание невозможности производства допроса, поскольку данное ограничение предмета показаний объясняется приоритетом социальных ценностей, защищенных положением закона.

Ключевые слова: священнослужитель, тайна исповеди, юридический иммунитет, допрос, таинство покаяния, судебный процесс, следственное действие.

Уголовный процесс — один из видов деятельности государственной власти, осуществляемой в сфере борьбы с преступностью. Эта деятельность регулируется нормами уголовно-процессуального права, осуществляется с момента получения информации о преступлении и на протя-

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2022

© Общецерковная аспирантура и докторантура
им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, 2022

жении всего производства по уголовному делу (а в ряде случаев и после его завершения, в стадии исполнения приговора) и протекает в рамках уголовно-процессуальных отношений¹. Из этого следует, что уголовный процесс — это специфическая отрасль права, имеющая свой предмет регулирования.

Не вдаваясь в полемику о сущности уголовного процесса, возьмем за пример дефиницию, полностью отражающую современное представление о нем. Уголовный процесс есть установленная уголовно-процессуальным правом и основанная на конституционных принципах система правовых отношений должностных лиц и государственных органов, ответственных за ведение уголовных дел между собой, с гражданами и другими субъектами в связи с выполнением задач уголовного судопроизводства².

В соответствии с предметом нашего исследования необходимо выделить ряд конституционных принципов уголовного процесса, связанных с понятием иммунитета священнослужителя. Конституция РФ³ как Основной Закон страны в качестве важнейших принципов провозглашает:

- светский характер государства (ст. 14);
- отделение религиозных объединений от государства и равенство их перед законом, равенство граждан независимо от отношения к религии (ст. 19);
- гарантию свободы совести и вероисповедания (ст. 28);
- свободу деятельности общественных объединений (ст. 30).

В соответствии с действующим законодательством, а именно ч. 7 ст. 3 Федерального закона от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», тайна исповеди охраняется законом, а священнослужитель не может быть привлечен к ответственности за отказ от дачи показаний по обстоятельствам, которые стали известны ему из исповеди. В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее — УПК РФ) данное требование конкретизировано. Так, согласно п. 4 ч. 3 ст. 56 УПК РФ священнослужитель не может быть допрошен в качестве свидетеля об обстоятельствах, ставших ему известными на исповеди.

Проведенное исследование показало, что священнослужитель обладает свидетельским иммунитетом, который может проявляться в двух разных формах: в форме права отказаться от дачи показаний и в форме запрета на допрос отдельных лиц об определенных обстоятельствах происшедшего.

Ученые, занимавшиеся проблемой выявления границ иммунитета священнослужителя в уголовном процессе, пришли к ряду интересных выводов.

¹ См. об этом: Уголовный процесс / под ред. Б. Б. Булатова, А. М. Баранова. М.: Юрайт, 2008. С. 19.

² Там же. С. 21.

³ Здесь и далее ссылки на российское законодательство приводятся по СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.03.2021).

Во-первых, несмотря на то что в ст. 56 УПК РФ содержится запрет допроса священнослужителя, ряд исследователей высказываются за необходимость введения в УПК РФ нормы, предусматривающей указанное следственное действие. При этом священнослужитель должен быть допрошен в качестве свидетеля об обстоятельствах, которые стали известны из исповеди. По мнению этой группы авторов, указанную норму необходимо сформулировать в УПК РФ не как запрет, а как право священнослужителя с его согласия давать показания об обстоятельствах, ставшими ему известными из исповеди⁴. В частности, Ю. В. Францифоров отмечает, что священнослужитель по собственному усмотрению может оказать содействие следствию в раскрытии преступления, но не в виде дачи собственных показаний о сведениях, услышанных на исповеди, а путем убеждения виновного дать показания следователю, что не будет противоречить ни нравственным, ни юридическим законам⁵. Данную точку зрения вряд ли можно считать обоснованной, так как она противоречит действующему законодательству и низводит священство до уровня обладателей временного иммунитета (депутатов и др.).

По мнению А. В. Пчелинцева, «человек, приходя на исповедь, должен искренне раскаиваться в содеянном и с чистой совестью говорить об этом. Если же он, напротив, возвращает в себе грешные замыслы и, более того, ищет поддержки в своих намерениях у священника, то исповедью это таинство не являлось изначально»⁶. Разделяя это мнение, В. Е. Евсеенко добавляет, что «если нет раскаяния — нет исповеди как таковой, нет тайны исповеди — нет свидетельского иммунитета священнослужителя»⁷. Данная точка зрения также представляется нам неверной, поскольку покаяние — это не одномоментное изменение человека, а длительный процесс, идущий через всю жизнь христианина.

Некоторые ученые-процессуалисты придерживаются другой точки зрения, считая, что сведения, сообщенные священнослужителю в ходе исповеди, не могут быть разглашены⁸.

⁴ См., напр.: *Кондратенко В. А.* Теория и практика допроса в стадии предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. М.: Российская таможенная академия, 2004. С. 10; *Орлов Ю. К.* Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М.: Юрист, 2009. С. 141; *Королев Г.* Тайна исповеди в уголовном процессе // Российская юстиция. 1995. № 2. С. 30.

⁵ *Францифоров Ю. В.* Противоречия уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород: Нижегородский государственный университет, 2007. С. 57.

⁶ *Пчелинцев А. В.* Абсолютна ли тайна исповеди? // Законодательство и экономика. 2011. № 5. С. 14.

⁷ *Евсеенко В. Е.* Тайна исповеди в российском уголовном судопроизводстве // Общество и право. 2014. № 2 (48). С. 190.

⁸ См., напр.: *Рыжаков А. П.* Следственные действия и иные способы собирания доказательств. Тула: Филинь, 1996. С. 38; *Кипнис Н. М.* Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве М.: Юрист, 1995. С. 14; *Золотых В. В.* Проверка допустимости доказательств в уголовном процессе. М.: АСТ, 1999. С. 143–144.

Наиболее справедливым представляется мнение юристов, полагающих, что священнослужителя нельзя допрашивать, поскольку указанное ограничение предмета показаний священнослужителя объясняется приоритетом социальных ценностей, которые защищены данным положением закона. Очевидно, что тайна исповеди более важна для личности и общества, чем возможность получения сведений по конкретному делу из определенного источника⁹.

Во-вторых, для корректного практического применения положений ст. 56 УПК РФ, по мнению ряда ученых, необходимо установить, кто относится к категории «священнослужители» и что означают понятия «обстоятельства, ставшие известными на исповеди» и «религия». В настоящее время это сделать невозможно, так как толкования этих терминов нет ни в УПК РФ, ни в Федеральном законе «О свободе совести и о религиозных объединениях».

Главной проблемой с теоретической и практической точек зрения является отсутствие регламентации понятий «священник», «священнослужитель», «исповедь» и «таинство», что порождает множество доктринальных толкований, произведенных логическим или системным способом, но не отражающих основных значений применяемых терминов. Еще одной проблемой выступает казуистичность действующей нормы права, запрещающей производство допроса священнослужителя, что, в свою очередь, приводит к дифференцированности мнений ученых и практических юристов (судей, прокуроров, следователей и т. д.). Это проблема уже не только юриспруденции, но и теологии, так как напрямую связана с ее предметом¹⁰.

Некоторые ученые, занимавшиеся вопросами, связанными с понятием тайны исповеди, пришли к следующим выводам:

- понятие «священнослужитель», согласно каноническому праву Православной церкви, является более широким, чем понятие «священник», но только священник (и архиерей) вправе проводить таинство покаяния;
- таинство покаяния, в которое включается и исповедь, существует только в христианстве, в связи с чем, принимая во внимание содержание ст. 56 УПК РФ, можно прийти к выводу, что священнослужители разных религий оказываются в неравном положении перед законом;
- так называемые тоталитарные секты, прошедшие в законном порядке процесс государственной регистрации, могут использовать в своей практике элементы христианства, в том числе исповедь, в связи с чем представители данных сект могут отказаться от дачи показаний в случае

⁹ См., напр.: *Осодоева Н. В.* Производство допроса на судебном следствии в российском уголовном судопроизводстве: дис. канд. ... юрид. наук. Екатеринбург: Уральская государственная юридическая академия, 2014. С. 58.

¹⁰ См. подробнее: *Шмонин Д. В.* Научная рациональность и «возвращение к теологии» // Вопросы теологии. 2021. Т. 1, № 3. С. 298.

осуществления уголовного преследования в отношении кого-либо из их членов¹¹.

Д. Татьяна и Л. Закирова предложили вместо термина «священнослужитель» использовать термин «священник». Также они считают, что необходимо в интересах общества и государства исключить священнослужителей из списка лиц, пользующихся свидетельским иммунитетом: «...священник может и готов способствовать раскрытию преступлений, следует сделать исключение, позволяющее раскрывать тайну исповеди в интересах уголовного процесса. В интересах государства создать условия для священников, чтобы они могли безбоязненно сообщать информацию, ставшую им известной из исповеди, касающейся преступления, без опасения наказания со стороны церкви»¹². В завершение авторы предлагают наделять священнослужителя «иммунитетом от наказания по каноническому праву за разглашение тайны исповеди», поэтому «целесообразно внести поправки и дополнения в УПК РФ таким образом, чтобы у священника была гарантия, что при сотрудничестве с правоохранительными органами церковь его не накажет»¹³. Данная позиция противоречит не только учению Церкви о таинствах, но и нивелирует любое побуждение человека к покаянию, так как лицо, совершившее то или иное преступное деяние, зная, что священник может разгласить сведения, сообщенные ему в ходе таинства покаяния, не захочет прийти и раскаяться в содеянном.

Как справедливо отмечает В. Е. Евсеенко, понимание под термином «священнослужитель» только священников (и архиереев) противоречило бы ст. 28 Конституции РФ о свободе вероисповедания. Однако если расширительно толковать этот термин, то можно предположить, что «священнослужитель» объединяет в себе духовных лиц любой религии. Более того, можно еще более широко толковать термин «священнослужитель» и понимать под ним не только духовных лиц, наставников религиозного объединения, но и вообще любого служителя религиозного культа¹⁴. Эта проблема решена законодателем путем простого причисления к священнослужителям представителей различных религий. Кроме того, В. Е. Евсеенко придерживается позиции, основанной на постановлениях и определениях Конституционного Суда РФ, и приходит к выводу, что у священнослужителя имеется возможность отказа от свидетельского иммунитета при согласии на разглашение таких сведений со стороны подзащитного лица, исповедовавшегося. Данная позиция представляется нам необоснованной, так как разглашение информации одним субъектом тайны исповеди не влечет автоматически необходимости разглашения этой тайны другим субъектом, тем более что в случае священнослужителя имеются канонические запреты такого поведения.

¹¹ Татьяна Д., Закирова Л. Проблемы тайны исповеди в уголовном процессе России // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 3 (122). С. 140–142.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Евсеенко В. Е. Тайна исповеди в российском уголовном судопроизводстве. С. 190.

Однако в связи с этим у правоприменителей появляется еще одна проблема: не все религиозные объединения имеют понятия о таинствах в целом и о таинстве покаяния в частности (и такой его составной части, как исповедь). Исповедь как покаяние в грехах присутствует только в православном христианстве, в католицизме и некоторых протестантских деноминациях. Покаяние в совершенном грехе в разных религиях происходит по-разному. Для буддизма ни покаяние, ни исповедь не характерны. В исламе исповеди как таковой не существует, какие-то признаки покаяния можно увидеть в обрядах «тауба» и «истигфар», суть которых сводится к мольбе о прощении, обращенной непосредственно к Аллаху самим человеком — без обращения к еще кому бы то ни было. Иудейская же исповедь представляет собой «общинное признание в грехах».

Можно задать резонный вопрос: если религия не предполагает тайного покаяния, то и скрывать нечего, а значит, нет и тайны исповеди? Но здесь возникает другая проблема: об указанном обстоятельстве осведомлены далеко не все следователи, прокуроры и судьи, которые в большинстве своем полагают, что тайна исповеди присутствует во всех религиях, и не пытаются вызывать священнослужителей для участия в следственных действиях, в частности в допросах¹⁵.

По вопросу наделения правом на свидетельский иммунитет представителей так называемых тоталитарных сект необходимо заметить, что в ст. 14 Федерального закона «О свободе совести и религиозных объединениях» предусматривается ряд ограничений для деятельности такого рода организаций:

— запрещается создание и деятельность религиозных объединений, цели и действия которых противоречат закону;

— устанавливается несколько оснований для ликвидации религиозной организации и запрета ее деятельности в судебном порядке, в частности: нарушение общественной безопасности и общественного порядка; действия, направленные на осуществление экстремистской деятельности; принуждение к разрушению семей; посягательство на личность, права и свободы граждан и др.;

— органы прокуратуры РФ, федеральные органы государственной регистрации и их территориальные органы, а также органы местного самоуправления вправе вносить в суд представления о ликвидации религиозных организаций или о запрете деятельности таковых.

Понятие о запрете допроса священнослужителя об определенных обстоятельствах происшедшего закреплено в разд. IX Основ социальной концепции Русской православной церкви:

Даже в целях помощи правоохранительным органам священнослужитель не может нарушать тайну исповеди. Священнослужитель призван проявлять особую пастырскую чуткость в случаях, когда на исповеди ему становится известно

¹⁵ Евсеенко В. Е. Тайна исповеди в российском уголовном судопроизводстве. С. 190.

о готовящемся преступлении. Без исключений и при любых обстоятельствах свято сохраняя тайну исповеди, пастырь одновременно обязан предпринять все возможные усилия для того, чтобы преступный умысел не осуществился. В первую очередь это касается опасности человекоубийства, особенно массовых жертв, возможных в случае совершения террористического акта или исполнения преступного приказа во время войны. Помня об одинаковой ценности души потенциального преступника и намеченной им жертвы, священнослужитель должен призвать исповедуемого к истинному покаянию, т. е. к отречению от злого намерения. Если этот призыв не возымает действия, пастырь может, заботясь о сохранности тайны имени исповедующегося и других обстоятельств, способных открыть его личность, предупредить тех, чьей жизни угрожает опасность. В трудных случаях священнослужителю надлежит обращаться к епархиальному архиерею¹⁶.

Приведенная официальная позиция Русской православной церкви наиболее полно отражает сущность самого таинства покаяния и предлагает комплексное разрешение сложных вопросов, возникающих в связи с тайной исповеди.

Анализируя указанное положение Основ социальной концепции Русской православной церкви, Е. Ф. Лукьянчикова и К. Р. Хоборова приходят к следующему выводу: «Обоснованной представляется возможность изменить норму п. 4 ч. 2 ст. 56 УПК РФ о возможности допроса священнослужителя и наделении его правом разглашения тайны исповеди исключительно при особых, чрезвычайных обстоятельствах и только в случае его самостоятельного волеизъявления»¹⁷. Однако в тексте Основ социальной концепции Русской православной церкви не говорится о наделении священнослужителя правом разглашать сведения, ставшие ему известными в ходе таинства покаяния. Даже в экстренных случаях священнослужитель не наделяется правом (или в данном контексте обязанностью) сообщать правоохранительным органам или суду о том, что ему стало известно в ходе проведения таинства. Наоборот, в документе декларирован запрет священнослужителю даже в целях помощи правоохранительным органам нарушать тайну исповеди. Оказать помощь людям, которые могут пострадать от действий исповедовавшегося человека, не то же самое, что сообщить те или иные сведения правоохранительным органам.

Согласно 120-му правилу Номоканона при Большом требнике, разглашение тайны исповеди является тяжелым грехом и влечет за собой запрещение в служении священника, разгласившего сведения, ставшие ему

¹⁶ Основы социальной концепции Русской православной церкви // Информационный бюллетень. Отдел внешних церковных связей Московского патриархата. 2000. № 8. С. 53.

¹⁷ Хоборова К. Р., Лукьянчикова Е. Ф. Сохранение тайны исповеди священнослужителем: юридическая и профессиональная проблематика // Современные тенденции развития науки и техники. 2016. № 12, ч. 7. С. 139.

известными в ходе исповеди, на три года¹⁸. Это правило основано на более древнем источнике, а именно 133-м правиле Карфагенского собора¹⁹.

Таким образом, правилами Православной церкви священнослужителю запрещено разглашать сведения, которые стали известны ему из исповеди. Это запрет не только морально-этического характера, так как его нарушение не просто вызывает чувства нравственного мучения, но имеет конкретные последствия в виде запрещения в священнослужении.

Статья поступила в редакцию 23 марта 2021 г.;
рекомендована к печати 3 марта 2022 г.

Контактная информация:

Коллантай Виталий Александрович — священник, канд. юрид. наук, доц.;
Alivealternativ@sibmail.com
Копыстко Петр Петрович — священник; Kopystko@mail.ru

Interrogation of a clergyman in evidentiary trial

Priest Vitaly Kollantay^{1,2}, *priest Petr Kopystko*³

¹ Tomsk Orthodox Theological Seminary,
82, pr. Lenina, Tomsk, 634009, Russian Federation

² Tomsk State Pedagogical University,
60, ul. Kievskaya, Tomsk, 634061, Russian Federation

³ St Petersburg Metropolia, Church of the Miraculous Icon
of the Mother of God “Joy to All the Sorrowing”,
24, pr. Obukhovskoi Oborony, St Petersburg, 192019, Russian Federation

For citation: Kollantay V. A., Kopystko P. P. Interrogation of a clergyman in evidentiary trial. *Issues of Theology*, 2022, vol. 4, no. 2, pp. 275–283. <https://doi.org/10.21638/spbu28.2022.207> (In Russian)

The article presents results of an analysis of current legislation of the Russian Federation and the Church law of the Russian Orthodox Church on the legal status of a “clergyman” and their opportunity to testify in criminal proceedings. Taking into account different points of view on this issue, it is substantiated that a clergyman of the Russian Orthodox Church cannot be interrogated as a witness in a criminal case about the circumstances that became known to him during the Sacrament of Penance. The question of the ratio of the concepts of “clergyman” and “priest” fixed at the normative level, but not equal, a *pedibus usque ad caput*, in essence, is considered. It is indicated that according to the canonical law of the Orthodox Church, the concept of “clergyman” is broader, with its own characteristics, which are dictated by the purpose of a particular degree of priesthood. In the article, the category of witness immunity is considered from the position of its functional orientation. An attempt has been made to substantiate the legal and moral aspects of the right to legal immunity of clergy. An attempt has been made to substantiate the legal and moral aspects of the right to legal immunity of a clergyman, through understanding

¹⁸ Номоканон. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/pravila/nomokanon-pri-bolshom-trebnike/> (дата обращения: 10.03.2021).

¹⁹ *Никодим Святогорец, прп.* Пидалион. Правила Православной церкви с толкованиями: в 4 т. Т. 3. Екатеринбург: Александро-Невский Ново-Тихвинский женский монастырь, 2019. С. 360.

the impossibility of conducting an interrogation, since this restriction of the subject of testimony is explained by the priority of social values that are protected by the provision of the law.

Keywords: clergyman, secret of confession, legal immunity, interrogation, sacrament of penance, trial, investigative action.

References

- Bulatov B. B., Baranov A. M., eds (2008) *Criminal procedure*. Moscow, Iurait Publ. (In Russian)
- Frantsiforov Yu. V. (2007) *Contradictions of criminal proceedings*: PhD Thesis in Law. Nizhny Novgorod. Nizhegorodskii gosudarstvennyi universitet. (In Russian)
- Khoborova K. R., Luk'yanchikova E. F. (2016) "Keeping the secret of confession by a clergyman: legal and professional issues", in *Sovremennye tendentsii razvitiia nauki i tekhniki*, no. 12, part 7, pp. 134–139. (In Russian)
- Kipnis N. M. (1995) *Admissibility of evidence in criminal proceedings*. Moscow, Iurist Publ. (In Russian)
- Kondratenko V. A. (2004) *Theory and practice of interrogation at the stage of preliminary investigation*. PhD Thesis in Law. Moscow, Rossiiskaia tamozhennaia akademiia. (In Russian)
- Korolev G. (1995) "The secret of confession in criminal proceedings", in *Rossiiskaia iustitsiia*, no. 2, pp. 29–30. (In Russian)
- Nikodim Svyatogorets, rev. (2019) *Pidallion Rules of the Orthodox Church with Interpretations*. In 4 vols, vol. 3. Yekaterinburg, Aleksandro-Nevskii Novo-Tikhvinskii zhenskii monastyr' Publ. (In Russian)
- Orlov Yu. K. (2009) *Problems of the theory of evidence in criminal proceedings*. Moscow, Iurist Publ. (In Russian)
- Osodoyeva N. V. (2014) *Conducting an interrogation during a judicial investigation in Russian criminal proceedings*. PhD Thesis in Law. Yekaterinburg, Ural'skaia gosudarstvennaia iuridicheskaia akademiia. (In Russian)
- Pchelintsev A. V. (2011) "Is the secret of confession absolute?", in *Zakonodatel'stvo i ekonomika*, no. 5, pp. 58–61. (In Russian)
- Ryzhakov A. P. (1996) *Investigative actions and other methods of collecting evidence*. Tula, Filin Publ. (In Russian)
- Shmonin D. V. (2019) "Scientific rationality and 'reduction to the theology'", in *Issues of Theology*, vol. 1, no. 3, pp. 280–306. (In Russian)
- Tat'yanin D., Zakirova L. (2011) "Problems of the secret of confession in the criminal process of Russia", in *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 3 (122), pp. 140–142. (In Russian)
- Yevseyenko V. E. (2014) "The secret of confession in Russian criminal proceedings", in *Obshchestvo i pravo*, no. 2 (48), pp. 188–193. (In Russian)
- Zolotykh V. V. (1999) *Verification of the admissibility of evidence in criminal proceedings*. Moscow, AST Publ. (In Russian)

Received: March 23, 2021

Accepted: March 3, 2022

Authors' information:

Vitaly A. Kollantay — Priest, PhD in Law, Associate Professor; Alivealternativ@sibmail.com
Petr P. Kopystko — Priest; Kopystko@mail.ru